

1897, 13 сентября, № 95

с. 2.

Съ береговъ Невы.

IV.

На дняхъ появился отдѣльный изданіемъ послѣдній разсказъ нашего молодого, но талантливаго писателя Ан. Чехова „Мужики“. При первоначальномъ появленіи въ свѣтъ въ апр. кв. „Русской Мысли“, онъ вызвалъ еще не бывавшій въ русской литературѣ единодушный восторженный отзывъ критики. даже нововременскій Буренинъ, вообще считающій за грѣхъ отзываться хорошо о какомъ либо писателѣ, и тотъ отъ „Мужиковъ“ остался въ восторгѣ, признавъ это произведение: „серьезной, глубокой и истинной правдой, живымъ истиннымъ художествомъ, яркимъ, сильнымъ и содержательнымъ“. Въ этомъ маленькомъ разсказѣ авторъ рисуетъ крестьянина самыми яркими красками. Онъ представляетъ у него: тушнѣ, глухимъ животнымъ, развращеннымъ до скотства, жаднымъ и жестокимъ до злѣтства, да къ тому же и невѣрующимъ (!) въ Бога. И эта то характеристика критической литературой признана истинною и глубокой правдой. И не критикъ и входитъ въ критическій пазуборъ разсказа не буду; мнѣ лишь хочется остановиться на мѣстѣ известной части нашего общества, воплотившемся въ данномъ разсказѣ, мѣстѣ, что крестьянинъ недалеко ушелъ отъ животнаго. Это ложное мѣсто является однимъ изъ тормазовъ народнаго просвѣщенія, мѣшая единенію и сближенію между сословіями, столь необходимыхъ въ просвѣтительномъ дѣлѣ. Между же тѣмъ, если мы повнимательнѣе присмотримся, какъ къ интеллигенціи, такъ и къ крестьянину, то не замѣтимъ между ними слишкомъ рѣзкой разницы въ нравственномъ отношеніи. Крестьянинъ, говорятъ, нечужестранецъ и необразованъ, — по образованію, какъ извѣстно, не идеалуетъ и наша интеллигенція, а вѣжлива она, подчасъ, лишь тогда, когда это ей выгодно. Крестьянинъ — суевѣренъ, по и интеллигенція не чужда суевѣрій: если крестьянинъ вѣритъ въ домовыхъ и вѣдьмъ, а интеллигентъ въ спиритизмъ, то хвалиться послѣднему отсутствіемъ суевѣрій все-таки рискованно: крестьянинъ не предпримчивъ: онъ не можетъ отстать отъ старой традиціонной „сохи андреевны“, — а развѣ наша интеллигенція отличается предпримчивостью? Раз-

нѣ не иностранцы завладѣли нашими копиями, рукописями и кефальными богатствами? [Крестьянинъ — пьяница, — во и интеллигенція не прочь въ доброй бесѣдѣ выпить и выпить порядно, а къ ея услугамъ и театръ, и произведенія литературы и искусства, и клубы, и спектакли различныя, а у крестьянина только и есть, что трактиръ и шинокъ, шинокъ и трактиръ: въ чемъ же прикажете находить ему удовольствіе? Вѣдь и онъ человекъ, его организмъ также проситъ удовольствія. Крестьянинъ — чуждается просвѣщенія, но, господа, говоря откровенно, нельзя не признать, что 98 изъ 100 человекъ интеллигенціи учились потому и изъ-за того только, что имъ нуженъ былъ аттестатъ зрѣлости, который является важнымъ козыремъ при погонѣ за житейскими благами. Да и невѣрно, что крестьянинъ чуждается просвѣщенія, посмотрите на него въ аудиторіи народныхъ чтеній, спросите у завѣдывающихъ сельскими библиотеками о его любви къ чтенію и вамъ совѣстно будетъ сказать, что онъ не любитъ и не стремится къ просвѣщенію, только эти любовь и стремленіе втиснуты въ такіе узкіе рамки, направлены по такой узкой тропинкѣ, что плодовъ отъ нихъ свѣтлыхъ не скоро еще можно дожидаться. Такимъ образомъ, тѣ пороки, которые такъ ярко обрисованы въ чеховскихъ „Мужикахъ“ и въ которыхъ нѣкоторые наши публицисты видятъ альфу и омегу пезагоды деревни, присущи всѣмъ сословіямъ и если они не такъ бросаются въ глаза у приваленгированнаго класса, то только потому, что послѣднимъ они искусно драпированы мантіей свѣтскаго лоска и приличій; отвратительная изва подъ помятой не возбуждаетъ нашего отвращенія.

Особенно взгляда крестьянъ на образование, правда, отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ приходится слышать и такое мнѣніе, что ученіе не пущно, а книги вздоръ. Но обвинять ихъ за эти убѣжденія нельзя, въ нихъ если кто и виноватъ, то, во всякомъ случаѣ не крестьянинъ. Виноватъ ли онъ и можетъ ли быть у него какое либо другое мнѣніе о книгахъ, если онъ только и знакомъ съ такими изъ нихъ, которые трактуютъ о рыцаряхъ, дурачкахъ, вѣдьмахъ и атаманнахъ? Виноватъ ли крестьянинъ, если онъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ понятія

о других книгах и не знает другого учения, кроме лунных векилически читать и выводить каракули! Во всем этом много виновата наша интеллигенция, с ее равнодушием к народному образованию. Она, при всяком удобном случае, любит много и красиво говорить о просвещении, но дѣлает гораздо меньше того, что обязано дѣлать. Просвѣдительная дѣятельность нашей интеллигенции пока ограничивается содѣйствіем ее крестьянамъ къ открытію школъ и попытками организаціи сельскихъ библиотекъ и народныхъ чтеній. Но первая не просвѣщаетъ, а дѣлаетъ лишь грамотныхъ, а послѣдняя, при незначительной своей численности (есть уѣзды на Руси, въ которыхъ нѣтъ ни одной библиотекы, а народныхъ чтеній и подавно) вообще на народное образование производить микроскопическое вліяніе.

Давая школами грамотность орудіе къ самообразованію, но, за отсутствіемъ книгъ, оно, въ большинствѣ случаевъ, орудіе безполезное или малополезное. Велика ли, на самомъ дѣлѣ, польза грамотности для просвѣщенія, если у народа нѣтъ книгъ и онъ ничего, кроме „Ерусалана Лазаревича“ и К°, не читаетъ? Необходимо устранить этотъ существенный тормазъ народнаго просвѣщенія, устранить путемъ изданія и распространения въ народѣ художественныхъ произведеній литературы для развитія въ немъ эстетическаго вкуса и любви къ чтенію и научно-популярныхъ для расширенія умственнаго его кругозора. Это единственный путь для того чтобы миллионы, затрачиваемые на грамотность, не были бесполезными для дѣла народнаго просвѣщенія. Существующее народное книгоиздательство, находящееся въ частныхъ рукахъ, поставлено на коммерческую почву, цѣль его—больше получить барыша, а такъ какъ крестьянинъ, покупая книгу, принимаетъ во вниманіе лишь цѣну, толщину и заглавіе ея, то книгопродавцы стараются о дешевизнѣ книгъ и о томъ, чтобы заглавия ихъ были „забористѣе“. Попятно, что при такихъ условіяхъ современное народное книгоиздательство лишь тормозитъ народное просвѣщеніе, принося ему больше вреда, чѣмъ пользы, вселяя въ крестьянъ превратное понятіе о книгахъ, отталкивая болѣе серьезныхъ изъ нихъ отъ чтенія и развращая воображеніе сельской молодежи, которая,

начитавшись сытиской дребедени съ кровью, ужасами и различной чертовщиной, ищетъ въ книгѣ прежде всего такого, что было бы его по нервамъ и тузило голову.

Съ этимъ зломъ нужно бороться и никому, какъ интеллигенціи. Она обязана это сдѣлать во имя долга, накладываемаго на нее просвѣщеніемъ, не прятать полученнаго свѣтильника подъ спудомъ, а ставить его на открытое мѣсто, чтобы онъ разгонялъ окружающій мракъ невѣжества и показывалъ предметы въ ихъ дѣйствительной формѣ и окраскѣ всѣмъ, а не однимъ только избранныкамъ. Въ виду этого ощущается настоятельная потребность въ интеллигентной народной книгоиздательской фирмѣ, которая дѣятельнымъ распространеніемъ своихъ изданій въ народѣ сослужила бы великую службу народному просвѣщенію. Само собой разумѣется, что такая фирма открыта на средства одного лица быть не можетъ—для этого не хватало бы матеріальныхъ силъ. Всего удивительнѣе основать особое общество, назовемъ его хоть „обществомъ народнаго книгоиздательства“, средства котораго составили бы членскіе взносы и помощь сочувствующихъ дѣлу лицъ. Такое общество въ средствахъ не имѣло бы нужды: интеллигенція, безъ сомнѣнія, оказала бы ему сильную матеріальную поддержку. Можно быть вполне увѣренными, что даже учителя и тѣ изъ своего грошеваго жалованья удѣлили бы на это дѣло рубль въ годъ. Нужна только инициатива и энергія чего и пошли Богъ намъ поскорѣй дождаться.

Въ заключеніе, по адресу мужиконенавистниковъ, позволю себѣ сказать, что всѣ мы родились съ одинаковыми познаніями, съ одинаковыми добродѣтелями и если къ 20-ти годамъ одинъ изъ насъ можетъ цитировать Тита Ливія на его родномъ языкѣ, а другой не совсѣмъ твердо знаетъ молитву Господню, то въ этомъ не заключаются заслуги первого и вины послѣдняго: оба они обязаны, тому, что изъ нихъ стало, не самимъ себѣ, а вложеннымъ воспитаніемъ задаткамъ, окружающей средѣ и матеріальнымъ средствамъ, а по этому гордиться своими познаніями и благородствомъ—значить показывать, что у тебя нѣтъ ни того ни другога.

Н. Хабаровъ.